

ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ: ТЕОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ

Б. Г. Юдин

Биологическое существование человека: культурные аспекты

ОТ КУЛЬТУРЫ
К ПРИРОДЕ

Обычно считается, что социальность и куль-

тура есть своего рода надстройка, возвышающаяся на том фундаменте, который люди получают от природы. Следовательно, в природе, как неживой, так и живой, заложено то, что может обеспечивать существование общества и культуры. И изучение этих естественных предпосылок составляет необходимую часть изучения того, как формируется, существует и изменяется культура.

Есть, однако, во взаимоотношениях общества и культуры и другая сторона — культура выступает в качестве своего рода призмы, сквозь которую мы воспринимаем окружающий мир, включая, между прочим, и мир природы. Это обратное воздействие порождает немало проблем, поскольку порой бывает очень и очень нелегко разобраться в том, видим ли мы в данном случае объект таким, каков он есть сам по себе, либо же таким, каким его показывает экран культуры. Именно такому воздействию культуры на восприятие людьми мира природы и будет посвящена данная статья, публикуемая журналом «Знание. Понимание. Умение». При этом особое внимание будет уделено тому, как влияет культура на наше восприятие человека, включая его биологию, а также той нормативной роли, которую выполняет культура.

КУЛЬТУРНЫЙ СМЫСЛ
БИОЛОГИЧЕСКОГО
ПОЗНАНИЯ

Прежде всего следует

обратить внимание на роль культуры в разграничении основных сфер мира природы — *природы живой и неживой*. Заметим, что в наши дни мы проводим это разграничение, на основе которого определяется столь многое в жизни человека и общества, ориентируясь в первую очередь на те знания, которые дает наука. Действительно, сегодня мы привыкли к тому, что сведения о живой природе мы черпаем, прежде всего, из биологических наук, а о неживой — из наук физических и химических. И все в общем и целом привыкли доверять тому, что высказывается от имени этих наук, больше, чем даже собственному непосредственному восприятию.

Важно, однако, отметить, что понятия «жизнь», «живое» используются далеко за пределами биологии как науки и биологического познания; более того, люди применяли их в своей повседневной жизни задолго до начала формирования самой биологии. Очевидно, эти понятия покрывают огромное многообразие объектов, явлений, процессов, которые, однако, представляются нам как единые в каких-то существенных отношениях. Несмотря на это многообразие, в большинстве случаев, исключая некоторые пограничные ситуации, не надо быть биологом-профессионалом, чтобы отличить живое от неживого. Осознание этого един-

ства и выражение его в форме представлений и понятий является важнейшей универсалией культуры.

Действительно, в разных культурах грань, отличающая живое от неживого, может пониматься по-разному, но в любой культуре она так или иначе проводится. Когда мы воспринимаем и мыслим нечто в качестве живого, мы тем самым мыслим его как *выделенное* из порядка неживых (иногда говорят — косных) объектов. По сравнению с такими объектами объекты, наделенные жизнью, воспринимаются нами (или можно сказать — даны нам) существенно иначе.

Более того, и само научное биологическое познание использует (конечно, уточняя и развивая) оппозицию «живое — неживое», которая первоначально заложена в обыденном сознании. Корни ее уходят далеко в глубь веков, в сферу практически-деятельного отношения человека к миру. Разграничение с точки зрения этой оппозиции — одна из первых мыслительных операций, выполняемых человеком, когда он встречается с неведомым ему доселе объектом. И от того, как мы проводим это разграничение, в существенной мере зависит наше отношение к данному объекту и возможные формы практического воздействия на него и взаимодействия с ним.

Уже для первобытного человека живое выступает и как источник средств питания и удовлетворения многих других потребностей, а потому — как то, что следует оберегать, но вместе с тем и как источник возможных угроз и опасностей, то есть то, по отношению к чему следует быть осторожным; как объект охоты и собирательства, а позже — и возделывания, как то, без чего невозможно существование человека и вместе с тем как нечто чрезвычайно близкое, в буквальном смысле родственное ему и даже включающее его самого. Не случайно у первобытных народов возникает такая форма религии, как *тотемизм* — вера в существование мистической связи, можно сказать, родства между

данным племенем или родом и каким-либо видом животных или растений (тотемом). Считалось, в частности, что тотемное животное или растение — это родоначальник данного племени и что у отдаленных предков черты людей сочетались с чертами тотема, в силу чего они обладали необыкновенными способностями. Первоначально тотемизм возник в связи с хозяйственно-практической деятельностью человека; в последующем, однако, это животное или растение, давшее племеню возможность существовать, становилось объектом поклонения.

Одной из форм осмысления грани между живым и неживым был и первобытный *анимизм* — вера в души и духов. «Человек тогда не противопоставлял себя остальной природе: все предметы и явления казались ему «живыми». Так возник первобытный антропоморфизм и как его следствие — религиозные верования в форме анимизма... Именно в этот период истории человечества возникает представление о «живом» и «мертвом». Все становится мертвым (человек, животное, растение, камень, вода и т. д.), после того как «выходит» душа из тела»¹.

Разграничение живого и неживого могло производиться по-разному, но существенно наличие самой этой грани. Данное обстоятельство так или иначе отражено в самых разных системах верований — и в различных культурах плодородия, и в анимизме. А в Библии повествуется о том, что сотворение живого происходило после того, как была сотворена косная природа (точнее, после того, как были сотворены земля, небо, свет, суша и моря), но непосредственно перед сотворением человека.

Будучи фундаментально значимым в практическом, хозяйственном отношении, живое становится объектом не только религиозного, но и эстетического, и нравственного отношения. Какое-либо животное или растение может восприниматься как прекрасное и привлекательное, другое же — как безобразное и отвратительное. Некоторые

¹ История биологии с древнейших времен до начала XX века. М., 1972. С. 16.

домашние животные для своих хозяев почти столь же близки и любимы, как родственники, иные же биологические виды воспринимаются человеком как враги. И уже в этом ценностно нагруженном контексте формируется познавательное отношение к живому.

Но, более того, практическая и ценностная значимость живого выступает и в качестве основы для первоначального выявления каких бы то ни было регулярностей, упорядоченностей и закономерностей в труднообозримом многообразии явлений жизни. К примеру, опыт возделывания сельскохозяйственных растений порождает у людей представления о цикличности, о регулярной смене сезонов, времен года. Сегодня мы, конечно, можем воспринимать смену времен года безотносительно к сезонности сельскохозяйственных работ. Однако в культурной истории человечества представления о регулярном чередовании времен года первоначально формировались как сторона именно этого опыта разнообразных взаимодействий с миром природы и миром живого.

Таким образом, для биологических представлений человека с момента их зарождения характерна не только отнесенность к особому типу объектов и явлений, но и особый, эмоционально и ценностно окрашенный тип отнесенности к этим объектам и явлениям. Иначе говоря, человек не просто воспринимает некоторые объекты и замечает, что они наделены качеством жизни, — само это восприятие строится на основе осмысления практики его взаимоотношений с такого рода объектами.

А поскольку сама эта практика в ходе человеческой истории изменяется, изменяются и ее ценностные характеристики, и ее осмысление в рамках биологического познания. С этой точки зрения биологическое познание выступает как решение той задачи, которая диктуется развитием культуры, — задачи приведения к некоторому общему знаменателю всех разнообразных и нередко взаимно противоречивых представлений о живом, которые формируются в процес-

сах практического взаимодействия человека с наделенными жизнью объектами.

Первоначально, таким образом, познание живого, его свойств и качеств, т. е. биологическое познание, непосредственно вплетено в повседневную практическую жизнь человека, в его хозяйственную деятельность. В свою очередь эта деятельность окрашена религиозными, эстетическими и нравственными мотивами. При этом необходимо подчеркнуть, что какими бы наивными, нелепыми и противоречивыми ни казались нам представления первобытных людей о живом, эта задача осмысления мира живого и ориентации в нем всегда должна была получать и получала то или иное конкретное решение в рамках данной культуры. Ответ биологического познания на запрос, исходящий от культуры, бывает необходимым здесь и теперь, поскольку он является самоопределением культуры в одном из ее фундаментальных аспектов.

Очевидно, биологическое познание, понимаемое таким образом, существует до всякой науки в собственном смысле слова и независимо от нее, а его единство и целостность обеспечивается тем, что оно реализует особую культурно значимую функцию. Однако с появлением науки и превращением биологического познания в один из ее разделов положение существенно изменяется. Познавательное отношение к живому становится все более отделенным и относительно независимым от того практически-ценностного контекста, в котором оно первоначально формировалось. Напротив, с течением времени сами результаты научного биологического познания начинают все более интенсивно влиять на практическую деятельность, прежде всего в таких ее сферах, как сельское хозяйство и медицина, но далеко не только в них.

Становясь научным, биологическое познание начинает вместе с тем решать и такие задачи, которые характерны для науки в целом, а именно получение систематизированных, доказательных, обоснованных знаний о мире и выработка научных объяснений.

Такие объяснения, относящиеся к тем или иным фрагментам этого мира, должны удовлетворять определенной исторически изменяющейся совокупности идеалов и норм — того, что называют стандартами или эталонами научности. С точки зрения культуры эти объяснения представляют собой построенные с помощью научных понятий ответы на мировоззренчески значимые (т. е. важные для ориентации человека в мире) вопросы, которые порождаются, разрешаются или воспроизводятся в ходе движения культуры, включая, разумеется, и саму науку.

Но если биология ставит во главу угла (артикулирует) отношение к жизни как ценности, давая ему рациональное понятийное выражение и оформление, то наука в целом выявляет и утверждает ценность самого рационального познания, рационального отношения к миру. И опять-таки на каждой стадии развития науки ее культурная задача получает то или иное решение, пусть в последующем оно и будет считаться неудовлетворительным.

Свою лепту в решение этой задачи вносит и биология как один из обширных разделов научного познания. Здесь, однако, возникает следующий вопрос: сохраняется ли в связи с появлением у биологического познания этой новой функции его традиционная культурная задача? Ответ на этот вопрос должен быть утвердительным; более того, сегодня необходимость решения специфической культурной задачи биологии раскрывается с небывалой доселе остротой.

Дело в том, что современное человечество располагает, если не актуально, то по крайней мере потенциально, новыми и чрезвычайно мощными средствами воздействия на живое, включая и такие разрабатываемые биологией средства манипулирования живыми объектами, как генная инженерия, создание генетически модифицированных организмов и т. п. Еще не достигнув могущества демиурга, способного создавать жизнь заново, человек оказался в состоянии полностью уничтожить ее. Поэтому ядром столь актуальной сегодня проблематики

защиты окружающей среды является, по сути дела, вопрос о том, как сохранить существование и разнообразие жизни на Земле. При этом очевидно, что сохранение жизни в ее разнообразии выступает как задача, имеющая наряду с утилитарно-практической также и несомненную нравственную, эстетическую и культурную значимость.

Весьма характерно, между прочим, что в наши дни все чаще говорится об ограниченности точки зрения, разделяющей биологические виды на полезные и вредные для человека. Утверждается, что каждый вид обладает уникальностью и, следовательно, должен рассматриваться на основании более широких критериев, чем те, которые диктуются сугубо прагматическими потребностями. По всей видимости, нынешняя популярность экологически чистых продуктов объясняется не только стремлением людей защитить свое здоровье — в течение последних десятилетий бережное отношение к окружающей среде, прежде всего к живой природе, становится культурной нормой.

СМЕРТЬ ЧЕЛОВЕКА: ЕЕ БИОЛОГИЧЕСКИЕ КРИТЕРИИ И ОСМЫСЛЕНИЕ В КУЛЬТУРЕ

С биологической точки зрения человек является млекопитающим, принадлежащим к виду *Homo sapiens*. И, естественно, жизнь человека подчиняется всем биологическим закономерностям, например, таким: она имеет начало (рождение) и конец (смерть), между которыми располагаются последовательно сменяющие друг друга стадии. Существуют определенные биологические критерии, позволяющие объективно судить о начале или конце человеческой жизни.

При более внимательном рассмотрении, однако, оказывается, что даже и эти, казалось бы сугубо биологические, показатели подвержены воздействиям со стороны культуры. В частности, смерть человека имеет не только биологическую и не только социально-психологическую и социально-правовую, но и исключительную культурную значимость. Далекое не случайно культурологи

рассматривают отношение к смерти как одну из определяющих характеристик любой культуры.

В современном мире обязанность констатировать наступление смерти человека ложится на плечи врача — только после того как врач принял соответствующее решение, человек считается умершим. Принимая такое решение, врач руководствуется определенными критериями биологического характера. Заключение, которое он дает по этому поводу, является не только признанием того, что родным и близким больше уже не на что надеяться. Оно выступает и как необходимый юридический документ, дающий начало, с одной стороны, тем траурным ритуалам и действиям, которые связаны с похоронами умершего, и, с другой стороны, новым правовым (включая, между прочим, и имущественные) отношениям, когда, скажем, дети становятся сиротами, супруг (супруга) — вдовцом (вдовой) и т. п.

Ясно поэтому, сколь важными функциями наделяет общество врача, вверяя ему право определять момент смерти. Нам, живущим сегодня, эти функции представляются вполне естественными и даже самоочевидными — они, что называется, укоренены в современной культуре. Однако надделение ими врачей — дело по историческим меркам совсем недавнее, относящееся примерно к середине XIX столетия. И связано оно было с тем процессом, который принято называть *медикализацией смерти*.

Толчком к нему послужили панические настроения, наблюдавшиеся в разных странах, особенно во Франции и в Германии, на протяжении двух предшествующих столетий. «...И в искусстве, и в литературе, и в медицине XVII–XVIII вв., — отмечает в этой связи французский историк культуры Ф. Арьес, — царили неуверенность и двусмысленность в отношении жизни, смерти и их пределов. Постоянно присутствующей стала сама тема живого трупа, мертвеца, который на самом деле жив... Впоследствии эта тема захватила

и повседневную жизнь, так что, как пишет в 1876 г. в «Энциклопедическом словаре медицинских наук» А. Дешамбр, умами овладела «всеобщая паника» — страх быть похороненным заживо, очнуться от долгого сна на дне могилы»¹. Арьес пересказывает множество приводивших в ужас людей того времени историй о похороненных заживо. Немало новелл с такого рода сюжетами принадлежит, в частности, перу знаменитого американского писателя Эдгара По.

Дело доходило до того, что, например, во Франции люди стали оговаривать в своих завещаниях проведение после смерти таких тестов, как надрезы на конечностях и т. п., чтобы удостовериться в действительной кончине, либо обязательность определенного временного интервала — порядка одних-двух суток — между смертью и похоронами. Другие заказывали себе гробы, оборудованные сигнальными колокольчиками или флажками, переговорными трубами и даже устройствами автоматической эвакуации!

Важно иметь в виду, что в те времена от врача вовсе не требовалось находиться у постели больного вплоть до его смерти. Напротив, врач, убедившись, что пациент безнадежен, считал свою миссию законченной. Умиравший чаще имел дело со священником, который и констатировал смерть. Более того, даже когда государственные власти в стремлении совладать с паникой пытались узаконить медицинское освидетельствование смерти, им приходилось преодолевать сопротивление медиков. Ф. Арьес цитирует в этой связи статью «Погребение» из вышедшего в Париже в 1818 г. «Словаря медицинских наук в 60 томах» и приводит следующее красноречивое высказывание: «...врачей редко зовут констатировать смерть, эта важная забота отдана наемным людям или тем, кто совершенно чужд знанию физического человека. Врач, который не может спасти больного, избегает находиться при нем после того, как тот издаст последний вздох, и все практикующие врачи, кажется, прониклись этой акси-

¹ Арьес Ф. Человек перед лицом смерти / Пер. с фр. М.: Прогресс, 1992. С. 332.

омой одного великого философа: не подобает врачу навещать мертвеца»¹.

Вполне вероятно, что под «великим философом» здесь понимается не кто иной, как Гиппократ, учивший, что «к тем, которые уже побеждены болезнью, она (медицина. — Б. Ю.) не протягивает своей руки, когда достаточно известно, что в данном случае медицина не может помочь»². И в последующих документах, регламентировавших нормы врачебной этики и поведения врача, не ставился вопрос о том, что врач должен заниматься пациентом после того, как он убедился в невозможности победить смерть.

Врачей, напротив, еще с древних времен учили распознавать *знаки смерти* — показатели не самой кончины, а ее приближения — не для того, чтобы диагностировать или констатировать смерть, а как раз для того, чтобы сразу после их обнаружения прекращать лечение. Это мотивировалось как опасением повредить репутацию и даже навлечь немилость родственников человека, которого не удалось спасти, так и тем, что попытки prolongировать жизнь пациента, который не сможет выздороветь, попросту неэтичны.

Как бы то ни было, под влиянием широко распространившихся опасений относительно преждевременного захоронения ситуация начала меняться. Постепенно медицинская профессия обрела исключительное право, а вместе с тем и обязанность констатировать смерть. «В большинстве стран, — отмечается уже в наши дни в Декларации Всемирной медицинской ассоциации, — определение времени смерти является юридической обязанностью врача, и такое положение должно сохраняться». И в нашей стране, согласно действующему законодательству, констатация смерти осуществляется медицинским работником (врачом или фельдшером).

Интересно, что когда в 1957 г. Международный конгресс анестезиологов, озабоченный тем, что развитие технологий искусственного поддержания жизни делает

проблематичным медицинское определение момента смерти, обратился к тогдашнему главе католической церкви папе Пию XII с просьбой разъяснить, чем им следует руководствоваться, проводя границу между жизнью и смертью человека, тот ответил, что уточнять определение смерти — дело не церкви, а врачей. Таким образом, ныне и церковь вполне согласна с тем, что именно на врачах, а не на священниках, лежит ответственность за констатацию смерти.

Американский историк медицины М. Перник в связи с этим пишет: «Врачи, которые представляли медицинское свидетельство о смерти как превентивную меру против преждевременных похорон, претендовали не только на небольшой дополнительный приработок от инспектирования трупов. Власть определять смерть давала докторам также и власть очерчивать границу вокруг самой последней и страшной тайны жизни, а следовательно, укреплять, по крайней мере символически, статус медицинской профессии». Таким образом, переход к определению момента смерти человека на основе заключения врачей — это не только введение более точной процедуры по сравнению с предшествующими, но и существенный сдвиг в области культуры.

Другая сторона процесса медиализации смерти — это то, что местом, где человек расстается с жизнью, все чаще становится больница. В результате многие люди, оказываясь дома рядом с умирающим родственником, просто не знают, как им себя вести и что следует делать.

Эта тенденция ведет к тому, что в отличие от предшествующих времен врачам, вообще медицинским работникам все чаще приходится непосредственно иметь дело со смертью и с процессом умирания. Говоря об *умирании как процессе*, мы хотим обратить внимание на то обстоятельство, что если сама по себе констатация смерти — это, по существу, одномоментный акт, то смерть, протека-

¹ Арьес Ф. Указ. соч. С. 336.

² Гиппократ. Об искусстве // Гиппократ. Избр. книги. М.: Сварог, 1994. С. 130.

ющая под наблюдением медиков, имеет длительность, подчас довольно большую. При этом в определенной мере процесс умирания *контролируется* медицинским персоналом. А это значит, что смерть (и умирание) все в большей мере становится не просто естественным биологическим событием, но таким событием, наступление которого зависит от имеющихся у медиков технических возможностей и средств, то есть в некоторой степени — событием искусственным, обусловленным теми решениями, которые принимаются людьми, а следовательно, действующими в обществе культурными нормами. Еще раз процитируем Ф. Арьеса, который пишет, что сегодняшняя смерть «укорачивается или продлевается в зависимости от действий врача: он не может ее предотвратить, но часто в состоянии регулировать ее длительность — от нескольких часов до нескольких

недель, месяцев или даже лет... Бывает, оттягивание смертного часа становится самоцелью, и медицинский персонал... медицина, организованная в форме больницы, в принципе может позволить неизлечимому больному продолжать существование неопределенно долго»¹.

Таким образом, в результате медикализации смерти к настоящему времени именно врачи оказались основными действующими лицами в этой трагической, сложной и наделенной глубочайшим культурным смыслом области человеческого существования. И эти перемены, как и многие другие изменения, вызванные научно-техническими достижениями человечества, порождают внутри культуры серьезные напряжения, проблемы и конфликты.

(Продолжение следует)

